

ПАРК ТИГРОВОГО БАЛЬЗАМА

Л. ДЕМИН

В О ВРЕМЯ одной из поездок в Сингапур я познакомился с жилищным строительством, посетил новый промышленный комплекс Джуронг, увидел работы по отвоевыванию у моря полоски суши. Прежде чем все это показать, чиновник информационного ведомства продемонстрировал карты и макеты проектов, снабдил меня хорошо изданными иллюстрированными буклетами.

Я заметил, что сингапурцы умеют пропагандировать успехи, достигнутые за годы независимости, организовать рекламу своих проектов.

— Что вы! Разве это реклама? — ответили мне. — Вот покойные братья Ау умели делать рекламу.

Братья Ау... Где-то я уже слышал эти имена. Ах да, есть знаменитый «тигровый бальзам» братьев Ау. Есть Парк тигрового бальзама, о котором пишут все путеводители по Сингапуру. Почему бы не посмотреть его?

Миновав порт, направляемся по приморской магистрали в сторону Джуронга. Проезжаем мимо сингапурского вокзала, некогда оживленного, а теперь притихшего. Граница, разъединившая Сингапур с Малайзией, прервала и прежние железнодорожные связи с материком. Сворачиваем с магистрали и останавливаемся у ярких ворот в традиционном буддийском храмовом стиле. По-китайски и по-английски на воротах

написано: «Парк тигрового бальзама» — и для наглядности намаляван полосатый тигр.

История этого увеселительного парка такова. Два богатых дельца-китайца, братья Ау Бун-хау и Ау Бун-пар сделали бизнес на производстве целебной мази. В аптеках всей Юго-Восточной Азии появились баночки с тигром на красочной этикетке. Врачи стали рекомендовать мазь в качестве чудодейственного средства от разных болезней: ревматизма, радикулита, простуды. Я мало сведущ в медицине и не берусь судить о полезных свойствах «тигрового бальзама». Но как бы то ни было, снадобье это прочно вошло в обиход нескольких стран. В Сингапуре, Малайзии, Индонезии я встречал баночки с тигром не только в аптеках, но и в хозяйственных лавках и даже у уличных лоточников. Этому успеху «тигровой мази» помогла искусная реклама.

Незадолго до второй мировой войны братья Ау купили на крутом склоне холма, откуда открывается вид на море, участок земли площадью в восемь акров. Покупка обошлась в 300 тысяч местных долларов. По тому времени это была немалая сумма.

По указанию братьев Ау склон расчистили, выровняли террасы. И вскоре здесь появились яркие беседки и арки в стиле традиционных пагод, киоски и ларьки с напитками. Главной достопримеча-

тельностью парка стали искусственные гроты и множество скульптур, рельефов, больших скульптурных композиций. Они воспроизводят многочисленные сценки из китайской мифологии и фольклора, древних легенд, хроник. Братья преподнесли парк в дар Сингапуру, но с условием, что после смерти их прах будет погребен здесь же. Воля экстравагантных дельцов была выполнена. На верхней террасе возвышаются бетонные надгробные памятники — тяжеловесные, неуклюжие цилиндры с портретами покойных.

Трудно выразить общее впечатление, которое производят скульптурные композиции Парка тигрового бальзама, лишенные какого-либо стиливого единства. Они скорее подавляют, чем восхищают, а порой вызывают гнетущее чувство. Подавляют не только огромным числом персонажей, аляповатой пестротой, не свойственной традиционному искусству китайского народа, но и какой-то патологической извращенностью, грубым натурализмом, жестокостью многих сцен. Нужно хорошо знать моралистический смысл мифологических и фольклорных сюжетов, чтобы понять содержание и значение всех скульптурных композиций, роль всех многочисленных персонажей.

Среди китайцев Сингапура, как и соседней Малайзии, есть последователи всех трех основных религий Китая: буддизма, конфуцианства и даосизма.

В Китае получил распространение буддизм махаянистского толка, заметно отличающийся от древнеиндийской разновидности этой религии, так называемой хинаяны. В махаянистском буддизме Будда трансформируется из мудрого учителя, наставника, проповедника нового религиозного учения в обожествленного человека и, по существу, в верховное божество. Появляется обширный пантеон святых — бодисатв и воплощений Будды. Важным элементом буддизма становится учение о загробном мире, рае и аде, схожее в общих чертах с представлениями христиан, мусульман, иудеев. В раннем хинаянистском буддизме проповедовалась идея о нирване, то есть о спасении человека, об уходе от земных страданий путем нравственного самосовершенствования, отказа от земных радостей и желаний, отрешения от страстей и достижения таким путем состояния высшего просветления — нирваны. В махаянистском буддизме идея

У входа в Парк тигрового бальзама.

Конфуция из философско-этической системы превратилось в систему религиозную. В честь древнего философа возводились храмы. Конфуций стал почитаться как святой. Большое место в конфуцианстве занял культ предков.

Даосизм — это религиозная система также китайского происхождения, возникшая в I—II веках н. э. На его формирование оказали влияние буддизм, древняя китайская философия и элементы народных верований, суеверий, анимистских культов. Даосистская система создала обширный пантеон различных божеств, проповедуя догмат бессмертия и различные пути к его достижению. Даосисты занимались гаданьем, алхимией, магией, врачеванием.

С точки зрения многих китайцев, все три религии сливаются в единую синкретизированную религиозную систему. Буддизм, конфуцианство и даосизм рассматриваются поэтому не более как три толка или аспекта в ее рамках. Три религии не противоречат одна другой, а скорее дополняют друг друга. Рядовой китаец «в случае необходимости» мог обратиться к каждой из них. В течение долгих веков шел процесс синтезирования различных религий, морально-этических норм, обычного права, и в результате возникла новая комплексная система религиозных представлений. Как пишет Л. С. Васильев, автор интереснейшей монографии «Культы, религии и традиции в Китае», «были выработаны и получили широкое распространение некоторые религиозные догматы и принципы, определены важнейшие элементы типических обрядов, праздников, ритуалов, сформирован гигантский и постоянно обновлявшийся сводный пантеон божеств, духов, героев, бессмертных, патронов-покровителей и т. п. Сложившаяся таким образом система идей и институтов религиозного синкретизма представляла довольно любопытное, уникальное в своем роде явление».

Вернемся же теперь к Парку тигрового бальзама. Многие его скульптурные композиции навеяны религиозными мифами китайцев, их этическими представлениями и принципами. В парке мы увидим персонажей древних легенд, обожествленных героев, сценки из жизни обитателей загробного мира.

Вот воплощенная в скульптуре древняя легенда о двух змейках. Содержание ее таково. Один молодой человек по имени Хсю Сян подобрал на дороге двух ма-

о нирване трансформируется в более конкретный тезис о райском блаженстве после смерти в том случае, если человек при жизни строго соблюдал все религиозные предписания, вел примерный, с точки зрения буддийского учения, образ жизни, и о вечных муках ада для грешников и нечестивых. Вместе с этим усложнялся храмовый ритуал, появилась иерархия монахов и священнослужителей.

Конфуцианство зародилось на китайской почве еще в глубокой древности. Основателем этого учения считают жившего на рубеже VI—V веков до н. э. философа Конфуция. Его высказывания были литературно обрабо-

таны и записаны позднее учениками. Согласно конфуцианству, жизнь человека предопределена небом: волею судьбы человек становится богатым или бедным, знатным вельможей или рабом. Существующие на земле порядки он не может изменить. Младший должен беспрекословно подчиняться старшему в семье, нижестоящий в общественной иерархии — вышестоящему. Конфуцианство оправдывало социальное неравенство, господство привилегированных классов, стояло на страже патриархальных семейных устоев, пропагандировало идею верности господину, говорило о «божественном происхождении» императора. Со временем учение

леньких змеек, белую и зеленую. Он принес их домой и ухаживал за ними, а когда змейки подросли, отпустил. Змейки были фантастическими существами, наделенными большой магической силой и изгнанными с небес за злые дела. Они решили отблагодарить молодого человека за его доброту и превратились в красивых девушек. Та, что была белой змейкой, стала его женой, а другая — служанкой. Случилось так, что Хсю Сян встретился с верховным монахом Пагоды золотого холма, расположенной на берегу реки Янцзы. Монах понял, что молодой человек находится во власти дьяволов и увел его для спасения в свою пагоду. Белая змейка, принявшая в человеческом обличье имя Пей Су-чен, любила своего мужа и решила во что бы то ни стало вырвать его из-под влияния монаха и вернуть домой. Она заручилась поддержкой могущественного бога реки и упростила последнего вызывать грозное наводнение. Но разбушевавшиеся волны никак не могли захлестнуть пагоду. Ее верховный монах также обладал удивительным могуществом. Но в результате наводнения, вызванного по воле Пей Су-чен, погибли тысячи ни в чем не повинных людей. Боги наказали ее за жестокость, заточив в башню одной из пагод.

У пленницы остался сын Хсю Менг-чао. Став взрослым и успешно выдержав государственные экзамены, дающие право войти в круг избранных ученых чиновников, он узнает о судьбе матери, отправляется к пагоде, где была заточена пленница и усердно молит богов о ее прощении. Боги вняли молитвам. Рухнули стены темницы, и Пей Су-чен вознеслась на небо.

Эта старинная легенда и нашла отражение в скульптурных сценах. Мы видим бушующие волны реки Янцзы у подножия Пагоды золотого холма, тонущих людей, коварную Пей Су-чен и верховного монаха пагоды, останавливающего напор волн с помощью своей волшебной одежды. А вот Хсю Менг-чао, сын героини легенды, молится перед башней пагоды, в которой заключена его мать. Молитва уже услышана богами. Башня надломилась и готова рухнуть. В проломе показывается пленница. Сейчас она вознесется на небо.

В чем моралистический смысл этих композиций? Чьи своих предков, какие бы дела они ни совершали, добрые или дурные. Не твое право быть их судьей. Мо-

лись усердно богам за себя, родителей, предков, и боги услышат твои молитвы.

Весьма примечательна маленькая сценка следующего содержания. Некая женщина по имени Танг кормит грудью дряхлую свекровь, потерявшую зрение и все зубы, в то время как в углу комнаты плачет ее голодный младенец. Здесь мы видим практическое воплощение в жизнь строгой конфуцианской морали. Почитай старших, проявляй в первую очередь заботу о родителях, а потом уже о детях.

Один из самых популярных персонажей китайского пантеона — Амиитаба, будда Запада, обитающий в «западном рае» вместе с богами и бессмертными праведниками. Вот он — тучный, благодушно улыбающийся великан с большим животом, подобный бесформенной глыбе. Каждый человек стремился попасть в рай и оказаться рядом с Амиитабой.

А что ждет того, кто не достоин лучшей участи? Посетитель парка может увидеть это наглядно. Вот дьяволы терзают грешников, потрошат им внутренности, мелют их жерновами, распиливают на части, насаживают на вилы, варят в котле. Все эти кошмары изображены с дотошным натурализмом. Корчатся в муках грешники, льется рекой кровь, садистически ухмыляются дьяволы. Мир реальный, земной подавлен здесь миром большой фантазии, кошмарными образами мира потустороннего. Перед скульпторами, очевидно, ставилась задача показать тщетность и суетность греховной земной жизни, напомнить о соблазнах, подстерегающих человека на каждом шагу, о страшных карах, ожидающих грешника.

Вот богатая знатная женщина, думавшая при жизни только о корысти, наживе, никогда не помогавшая беднякам. Рядом с ней человек, нарушавший патриархальные семейные устои, дурно обращавшийся с родителями. Дьяволы мелют их тяжелыми каменными жерновами. Лгуна и скандалиста колют железными трехзубцами. Женщину, имевшую греховную связь с любовником и убившую мужа, бросают в котел с кипящим маслом. Убийца и бандитов швыряют под колеса машины с острыми металлическими зубьями наподобие бороны — век техники заставляет механизировать даже труд дьяволов в преисподней. Над глубоким ущельем перекинут горбатый мост. Никому из тех, кто совершал при жизни

дурные поступки, не достичь противоположного берега. Дьяволы бросят его на дно пропасти, где грешников ожидают адские муки.

В стороне от этих кошмаров стоит мудрый Конфуций, отрешенный от всего земного, погруженный в философские размышления. На зеленой лужайке фигуры трех старцев — богов процветания, плодородия и долголетия. Далее мы видим истории из жизни знаменитых буддийских монахов, паломников, героев исторических хроник. Одного из паломников, ленивого и распущенного человека, решившего отправиться к буддийским святыням, в пути ожидают испытания. Дьяволы в виде полубога красоток искушают его. Насколько искренен порыв паломника? Преодолеет ли он свои греховные заблуждения, достоин ли поклонения святыням?

Есть в Парке тигрового бальзама ряд скульптурных композиций и на современные темы, пронизанных все той же конфуцианской моралью. Одна из них воспроизводит драматическую сцену кораблекрушения на море. Нос корабля уже погрузился в воду. Тонут люди в бурлящей морской пучине, судорожно цепляются за борт корабля, который через мгновение пойдет на дно. Лишь одному счастливцу — Вонгу — пришла помощь в виде гигантской зеленой черепахи. Однажды Вонг увидел, как два рыбака тащили на базар пойманную ими морскую черепаху. Он дал денег рыбакам и отпустил черепаху в море. Вскоре Вонг решил переселиться в чужие края и отправился в плавание на злополучном пароходе, потерпевшем крушение. Черепаха, спасенная когда-то им, теперь спасает Вонга. Сперва он попадает к морскому царю, наградившему гостя ценными подарками. Затем черепаха переправила его на берег.

А вот история другого рода. Прохожий раздавлен автомашиной. Полицейский расследует случившееся. К месту происшествия бежит обезумевшая от горя и отчаяния женщина. А на обочине дороги трое невозмутимо режут карты. Один из игроков плутовато заглядывает в карты другого. Объясняется все так. Один лавочник был заядлым игроком, проводя за картами большую часть времени и доставляя домашним много неприятностей. Однажды он не вернулся домой и к утру. Жена лавочника послала сына разыскивать отца, проводившего, как обычно, время в об-

Группа сингапурской молодежи дает традиционное представление. Танцевальные образы перекликаются с теми фольклорными композициями, которые можно увидеть в парке.

ществе своих партнеров. Подросток выбежал из дому и попал под колеса встречной машины.

Боги воздают человеку должное по делам его, добрым и дурным. Вонг, добрый человек, совершивший великодушный поступок, спасен от гибели. Лавочник, дурной человек, предающийся пороку, сам причиняет несчастье себе и своей семье. Он не заслужил того, чтобы боги пришли к нему на помощь, предотвратили несчастный случай.

Невозможно в кратком очерке рассказать о всех сценках и персонажах, представленных в парке. Невдалеке от входа — сценка из сельской жизни. Дорога. У ее обочины пасутся буйволы. По дороге шла, споткнулась и расшиблась крестьянка. Муж приходит ей на помощь, протягивая склянку с целебным снадобьем от всех недугов, «тигровым бальзамом». Это уже реклама.

День был будничным. Тем не менее в парке гуляло много любопытных — местных жителей, преимущественно молодежи, и иностранцев. Мы встретили ораву рослых, как на подбор, солдат-новозеландцев, сменивших недав-

но в Сингапуре одно из воинских подразделений англичан. Солдаты громко гоготали, разглядывая скульптурные группы. Потом встретились две пожилые американки с фотокамерами. Вслед за ними в толпе показался некто длинноволосый неопределенного возраста и столь же неопределенной национальности, в длинной сермяжной рубаше и стоптанных сандалиях на босу ногу. Через его плечо была перекинута полотняная сума. Его сопровождал прилично одетый тамил, дававший объяснения и державшийся со своим спутником подчеркнуто почтительно. Мальчишки указывали на субъекта пальцем и, причмокивая от удивления, кричали вслед:

— Христос!

Я так и не узнал, кто это был — экстравагантный богач или приверженец религиозной секты.

Маленькая нищенка подходила к иностранцам и в надежде получить монетку протягивала цветок белого жасмина. Парень-художник срисовывал в альбом фигуру Конфуция.

С тяжеловесных бетонных надгробий самодовольно улыбались

братья Ау. Вряд ли они были теми светлыми праведниками, которые могли бы беспрепятственно миновать горбатый мост в потустороннем мире. Не веря ни в бога ни в черта, поклоняясь только одному золотому мешку, экстравагантные дельцы поразили соотечественников из ряда вон выходящей рекламой, а заодно поучали: не грехи против власти имущих, бойся бога. Было в этом странном, калейдоскопическом и пестром, словно мозаика, нагромождении фигур нечто символическое. Реклама и ханжеская мораль, купеческая широта натуры и болезненно извращенная жажда бессмертия, воплощенного хотя бы в тяжесть бетона, традиционный арсенал средств эмоционального воздействия и запугивания, изобретательность, озорство и тупая ограниченность лавочника — все это сливалось здесь в единый многогранный образ. И имя ему было — капиталистический бизнес, бизнес, так сказать, в его восточном варианте. Несколько старомодный, преувеличенно-гротескный, еще не вполне соответствующий духу нашего времени.